

Р. А. БУДАГОВ

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕДМЕРЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Мне не очень хотелось отвечать моему первому и, так сказать, главному оппоненту В. В. Иванову не только потому, что его теоретические положения я считаю ошибочными, но прежде всего из-за тона его статьи, едва ли допустимому в научной дискуссии.

В то время как в дискуссионной статье я постоянно употребляю выражения: «на мой взгляд» (5, 401)¹, «по-видимому» (5, 404), «мое определение стремится учитывать» (5, 407), «вопрос здесь может быть не решен, а только поставлен» (5, 411) и т. д., в статье моего главного оппонента и в некоторых других все излагается категорически, столь же категорически отвергаются отдельные мои положения, и всё это «подкрепляется» десятками ссылок на работы самого В. В. Иванова (прежде всего) и работы его единомышленников. Эти ссылки, должны, по-видимому, произвести соответствующее впечатление на не очень искушенных в науке читателей.

Многие замечания оппонентов о моей статье заставили меня вспомнить мудрый совет Гегеля: не бороться с теоретическим противником в тех случаях, когда он нападает на тебя там, где ни тебя, ни твоей мысли никогда, собственно, и не было.

Обратимся, однако, к существу дела. В. В. Иванов попытался обойти и «не заметить» такие проблемы, которые, по моему убеждению, являются центральными для советского теоретического языкознания. К ним я отношу проблему языка и мышления, проблему формы (в широком смысле) и содержания, проблему значения и отношения в их взаимодействии, проблему языка и человека во всей его человечности. Вместо всего этого мой оппонент предлагает весьма странное истолкование языка. В. В. Иванов защищает «три взаимосвязанных положения: 1) у науки о языке есть единый предмет — язык; 2) мы всегда описываем один язык — во всех языках описываем один язык; 3) описывая данный конкретный язык, мы стремимся вскрыть в нем черты универсальные: один язык мы описываем как все языки» (3, 242). Если не говорить здесь о первом тавтологическом положении, то два последующих тезиса представляются мне совершенно неверными. Что означают утверждения, согласно которым «во всех языках мы описываем один язык» и «один язык мы описываем как все языки»? Методы изучения и описания различных по строю языков имеют много общего. Но это, разумеется, не означает, что «во всех языках мы описываем один язык». Подобное утверждение только дезориентирует исследователя. Андре Мартине, всем известный современный лингвист с мировым именем, справедливо утверждает прямо противоположное: «Описать язык — это определить то, что отличает данный язык от всех других языков» (*qui la différencie de toutes les autres langues*)².

¹ Цифры в скобках означают: первая — номер журнала, вторая — его страницу. Моя статья опубликована в пятом номере за 1972 г., статьи моих оппонентов — в номерах 1973 г.

² Martinet A. *Langue et fonction*. Paris, p. 8. Разрядка и курсив во всех примерах и цитатах принадлежат мне (Р. Б.).